Алена Яворская

«За решеткой в темнице угрюмой – ни любви, ни весны, ни зари»

Валентин Катаев. 1920-е гг.

Почти сто лет назад, 30 октября 1920, из здания ЧК на Маразлиевской улице вышли молодой человек, в прошлом офицер, и подросток-гимназист – братья Катаевы[1].

Старший брат будет бравировать историей ареста, фактом отсидки – и в двадцатые, и в восьмидесятые годы. Младший об этом не будет ни вспоминать, ни упоминать – но в его биографии на долгие годы изменится дата рождения – с 1902 на 1903 (во время допросов он убавил год, надеясь избежать расстрела).

В 1959 была опубликована повесть Константина Паустовского «Время больших ожиданий». Валентин Катаев, в те годы живой и здравствующий, там лишь упоминался. Но как!

Вечер поэтов, на котором собирались бить Георгия Шенгели. Два имени рядом – Владимир Нарбут и Валентин Катаев.

«Шум немного стих, когда на сцену вышел поэт Владимир Нарбут – сухорукий человек с умным желчным лицом. Я увлекался его великолепными стихами, но еще ни разу не видел его.

Не обращая внимания на кипящую аудиторию, Нарбут начал читать свои стихи угрожающим, безжалостным голосом. Читал он с украинским акцентом. <…>

Нарбут читал, и в зале установилась глубокая тишина.

На эстраде, набитой до отказа молодыми людьми и девицами, краснела феска Валентина Катаева.

Эстрада подозрительно потрескивала, даже покачивалась и, очевидно, собиралась обрушиться. <…>

После Нарбута Катаев хрипло и недовольно прочел свои стихи о слепых рыбах. Дело в том, что рыбаки с Санжейки и Большого Фонтана иногда вылавливали в море слепых дунайских рыб. Рыбы слепли, попав из пресной воды в соленую. Стихи понравились, но не вызвали оваций».[2]

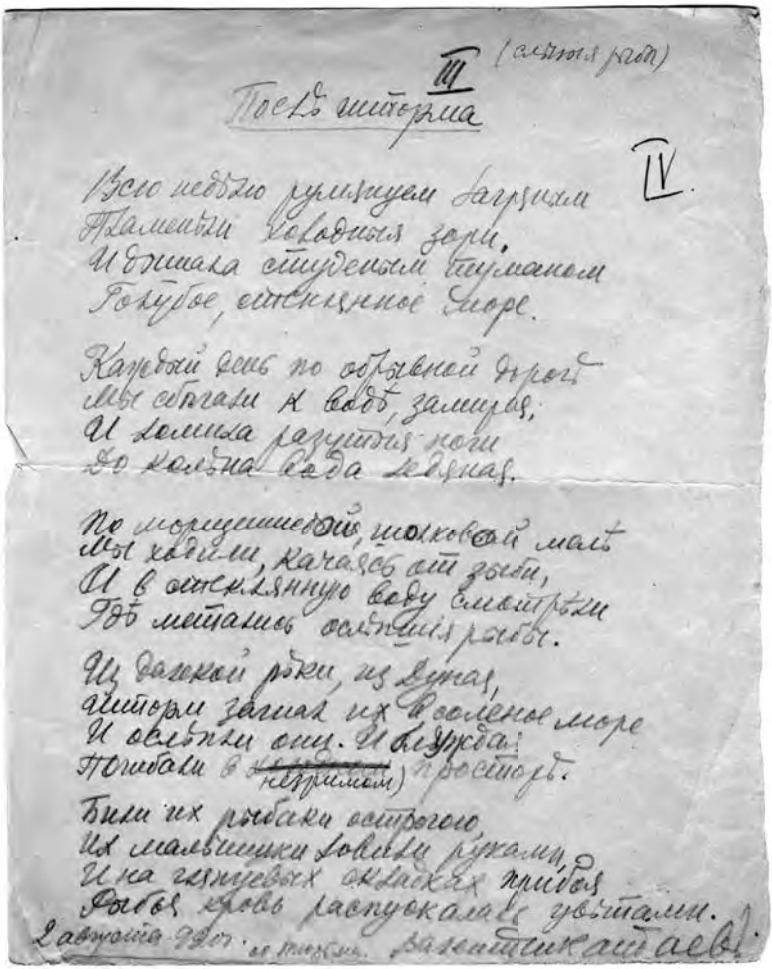
Вроде бы обычное описание вечера. Но надо знать подоплеку – Владимр Нарбут руководит ЮгРОСТА, Валентин Катаев – его подчиненный. Нарбут – автор стихотворения о ЧК «И чеканит ЧК гильотину…». Катаев – недавний арестант ЧК, чудом этой гильотины избежавший.

И самое главное – сохранилась рукопись стихотворения «Перед штормом» (позже названного «Слепые рыбы»). Катаев написал его 2 августа 1920.

Всю неделю румянцем багряным
Пламенели холодные зори,
И дышало студеным туманом
Заштилевшее Черное море.

Каждым утром по узкой дороге
Мы сбегали к воде, замирая,
И ломила разутые ноги
По колено вода ледяная.

По морщинистой шелковой мели
Мы ходили, качаясь от зыби.
И в стеклянную воду глядели,
Где метались ослепшие рыбы.



III (светлая рай)

Перед штормом

IV.

Всю небо румянили багряными
Пламенеи холодныя зари,
И дышала студеным туманом
Голубое, стеклянное море.

Каждый день по обычной дороге
Мы сбегали к воде, замирая,
И замша разутыя ноги
До кольна вода жгла.

По мокрушнистой, шоковой мели
Мы ходили, качаясь от зыби,
И в стеклянную воду смотрели
Где метались осенние рыбы.

Из далекой реки, из дельта,
Штормы загнали их в соленое море
И осенние они. И бедныя
Пошли в ~~[illegible]~~ (безбрежный) простор.

Били их рыбаки острогою
Их мальчишки ловили руками,
И на глянцевых окнах прибоя
Рыбья кровь расцветала цветами.

2 августа 1920 г. из тюрьмы. Валентин Катаев.

Рукопись стихотворения «Перед штормом». 20 августа 1920. Одесса. Тюрьма

Из широкой реки, из Дуная
Шторм загнал их в соленое море,
И ослепли они, и, блуждая,
Погибали в холодном просторе.

Били их рыбаки острогою,
Их мальчишки ловили руками.
И на глянцевых складках прибоя
Рыбья кровь распускалась цветами.[3]

Стихотворение не раз публиковали. Но никогда – с датой «20 августа. Одесса. Тюрьма». В семейном архиве сохранились рукописи стихов, написанных в тюрьме.

Павел Валентинович Катаев вспоминал рассказы отца о тех днях:

«Заключенные сидели там без предъявления какого-либо обвинения, а исходя из классового представления тюремщиков-революционеров о виновности того или иного представителя враждебного класса.

Кем был в то время мой отец? Сын преподавателя епархиального училища, получивший чин дворянина (по наследству не передающийся), бывший гимназист и вольноопределяющийся царской армии, участник войны с Германией, дослужившийся до прапорщика и награжденный тремя боевыми наградами, молодой одесский поэт...

<…> Пока же в ожидании решения своей участи отец оставался в тюрьме, где, что называется, прижился, попривык и даже продолжал писать стихи. Его перестали вызывать на допросы. По его словам, у него создалось впечатление, будто бы о нем забыли, не обращали на него внимания. И такое положение его устраивало – он оставался в живых».[4]

1926 год. Советские писатели пишут автобиографии. В. Катаев откровенно признаётся: «Гражданская война 1918-1920 гг. на Украине замотала меня в доску, швыряя от белых к красным, из контрразведки в чрезвычайку. В общей сложности за это время в тюрьме я просидел не менее 8 месяцев».[5] И если его арест контрразведкой достаточно сомнителен, и в дальнейшем в прозе

Петр Васильевич Катаев. 1910-е гг.

никак не отражен,[6] то о черезвычайке Катаев будет писать всю жизнь: от стихов в 1920 году до последних дней.

В 1922 году он начинает работу над рассказом «Отец». Внук священника Василия Катаева, сын преподавателя епархиального училища Петра Катаева, он дает главному герою говорящую фамилию – Синайский. Такая же фамилия у героев его последней повести «Сухой лиман» (1984).

В рассказе «Отец» названо и время ареста, и число месяцев, проведенных за решеткой: «В начале апреля, в один из тех прекрасных и теплых дней, когда море особенно сине, а молодые листья особенно зелены, в тюрьму привели громадную партию арестованных. <…>. Среди приведенных в тюрьму людей был некто Петр Иванович Синайский, молодой человек в офицерской тужурке с артиллерийскими петлицами и в студенческой фуражке.

И пошла тюремная жизнь».[7]

«Каждое воскресенье и каждую среду, в солнце и в дождь, по шоссе мимо кладбищенской стены тащился по щиколотку в пыли или грязи старик Синайский. За шесть месяцев он не пропустил ни разу. Сын ждал его с раннего утра, высоко держась за переплет решетки».[8]

О младшем брате в рассказе не упоминается. А в «Сухом лимане» (1986) говорится об обоих сыновьях, но на арест автор лишь намекает. Впрочем, читавшим «Уже написан Вертер» все было понятно: «В то время обоих сыновей Николая Никаноровича – старшего, Сашу, уже взрослого молодого человека, прапорщика, и младшего, Жору, еще не окончившего гимназию, – смыло революционной волной, и оба они исчезли из родительского дома».[9]

Рассказ «Отец» Катаев начал писать в 1922 году, и в том же году был опубликован его рассказ «Восемьдесят пять». Главный герой – чекист, в прошлом – агент охранки, пробравшийся в ЧК по поддельным документам и арестованный. Похоже, автор вспомнил свои ощущения в момент ареста:

«Он знал, что это могло быть доносом, ошибкой, наконец… шуткой. Но это должно было распутаться. Немедленно, сию минуту… сию секунду… Дальше это продолжаться не могло… Но это продолжалось, и время, оставаясь неподвижным, неслось, свистя и захлебываясь. И ужасней всего и унизительней было неведение, то неведение, которое знает все, но не желает знать, а потому не знает, все помнит до самых тайных глубин, но глушит память и мчится, захлебываясь, во тьме.

<…> Он уже видел себя введенным в пустой гараж, где одна стена истыкана черной оспой, и совершенно точно осязал на затылке то место, куда ударит первая пуля. Отяжелевшая кровь налила дубовые ноги, и легкая громадная пустота звенела и реяла вверху. Его вывели из подвала во двор, в ночь, где ноги бессильно скользили по черной земле, напитанной нефтью».[10]

Рассказ был опубликован с примечанием «Из эпохи гражданской войны и борьбы с контрреволюцией» – автор об этом знал, так сказать, изнутри.

1980 год. Журнал «Новый мир» в № 6 публикует повесть В. Катаева «Уже написан Вертер» – совершенно невероятное по тем временам описание расстрелов в ЧК. О том, как именно повесть увидела свет, существует несколько версий. По словам Павла Валентиновича Катаева, повесть рискнул опубликовать смертельно больной Сергей Наровчатов, который уже ничего не боялся.[11] По версии автора книги о Валентине Катаеве Сергея Шаргунова – повесть напечатали по указанию Михаила Суслова, «серого кардинала» и главного идеолога партии.[12]

Тем не менее председатель КГБ Юрий Андропов направил в ЦК секретную записку о том, что Комитет госбезопасности оценивает повесть Катаева как политически вредное произведение:

«В целом указанное произведение воспринимается как искажение исторической правды о Великой Октябрьской социалистической революции и деятельности ВЧК.

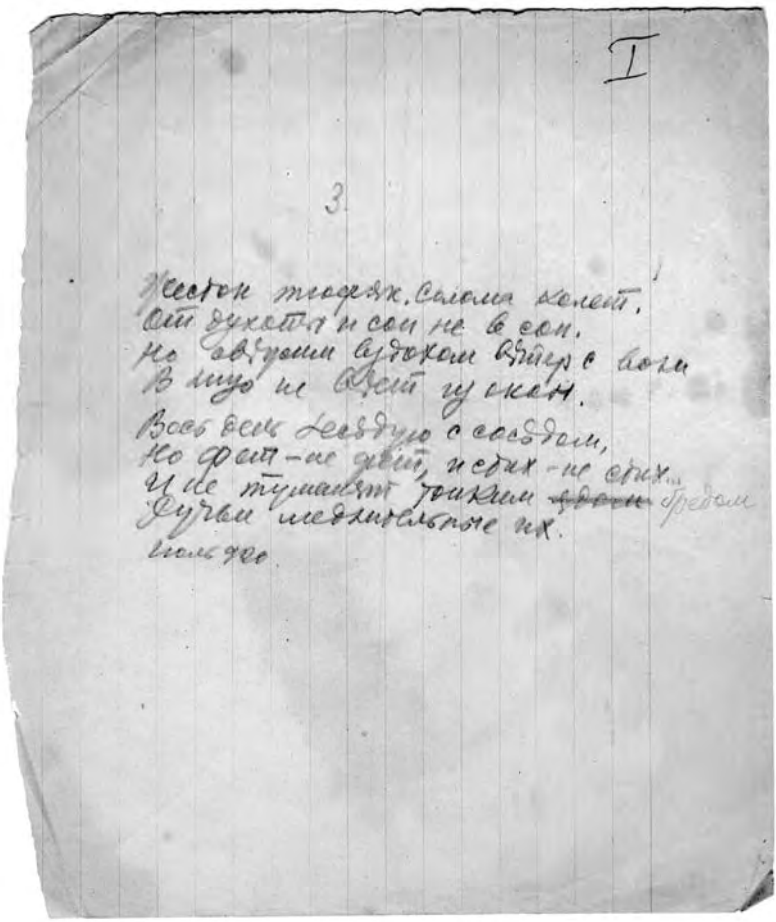
<…> Написанная с субъективистской, односторонней позиции повесть в неверном свете представляет роль ВЧК как инструмента партии в борьбе против контрреволюции».[13]

При жизни Валентина Петровича – Героя Социалистического Труда, награжденного тремя орденами Ленина, лауреата Ленинской премии – повесть больше не переиздавалась. Не вошла она и в десятитомное собрание сочинений, вышедшее в 1983 году. А несколько стихотворений, написанных в тюрьме, – вошли, ведь место их создания указано не было.

В этих стихах, написанных за решеткой, – и реалии тюремной жизни, и светлое воспоминание о прошлом.

Июль 1920:

Жесток тюфяк. Солома колет.
От духоты и сон не в сон.
Но свежим духом ветер с воли
Совсем не веет из окон.



Рукопись стихотворения «Жесток тюфяк…». Июль 1920

Всю ночь беседую с соседом.
Но Фет не Фет и стих не стих.
И не туманят тонким бредом
Ручьи медлительные их.[14]

Если первое стихотворение – зарисовка с натуры, то во втором, тоже написанном в июле, – упоминание о детстве, о счастливом периоде влюбленности во всех барышень Отрады. Катаев назовет его «Десять лет спустя»:

Садовник поливает сад.
Напор струи свистит, треща,
И брызги радугой летят
С ветвей на камушки хряща.

Сквозь семицветный влажный дым
Непостижимо и светло
Синеет море, и над ним
Белеет паруса крыло.

И золотист вечерний свет,
И влажен жгут тяжелых кос
Той, чьих сандалий детский след
Так свеж на клумбе мокрых роз.[15]

«Подоконник высокий и грубый…» – вид из тюремного окна Катаев почти дословно повторит в рассказе «Отец».

Подоконник высокий и грубый,
Мой последний земной аналой.
За решеткой фабричные трубы,
И за городом блеск голубой.

Тот же тополь сухой и корявый
За решеткой в железной резьбе.
Те же пыльные, тусклые травы,
Тот же мертвый фонарь на столбе.

Не мечтай! Не надейся! Не думай!
От безделья ходи и кури.
За решеткой в темнице угрюмой –
Ни любви, ни весны, ни зари.[16]

В рассказе:

«В тюремной ночной духоте и тьме, в спиртовом запахе дынных корок, по стенам возились клопы. Два окна, переплетенные грубым железом, запирали ночь, всю осыпанную свежими звездами. Ветер и сполохи бежали по ним.

<…> В окне, озаренный дуговым жуком, стоял добела розовый косяк соседнего корпуса. Под виселицей фонаря, среди черноты, на полотняной яркой земле качалась многоугольная тень часового».[17]

Рассказ «Отец» и стихи, написанные в тюрьме, перекликаются. «Спиртовый запах дынных корок…», «…вечер, зажженный огарком в горлышке черной бутылки, оплывал лазурью и золотом стеарина на вялые корки, на желтый понос дынных внутренностей, распластанных на столе»[18] и стихотворение «Дыня»:

На узкие доли
Персидскую дыню разрезав,
Блестит поневоле
Слезами восторга железо.
<…>
Постой и покуда
Душистые доли не трогай,
У полного блюда
Помедли с молитвою строгой.

Настанет же время
Попробовать дивную дыню,
И высушить семя,
И выбросить кожицу свиньям.[19]

Августом 1920 датировано стихотворение «Пушок одуванчика»:

Сквозь решетку втянул сквознячок
Одуванчика смутный пушок,
Невесомый, воздушный намек.

Удивился пушок и сквозной
Над столом закачался звездой,
И повеял прохладой степной.

Но в окно потянул ветерок
За собой синеватый дымок,
А с дымком улетел и пушок.[20]

Так в рукописи. Позднее Катаев изменит всего два слова: «За решетку табачный дымок».

«От безделья ходи и кури…», «табачный дымок», «папироса мой друг постоянный» – в трех стихотворениях Катаев пишет о единственной отраде арестанта:

Если ночь и душна и светла,
Дышит грустью и праздностью странной,
Ароматна, крахмальна, бела –
Папироса, мой друг постоянный.

Все я медлю курить: и пока
С папиросою пламя не слито,
В золотом волокне табака
Невозможность возможного скрыта.

Но едва огневой мотылек
Пропорхнет по обрезу тупому –
Там малиновый вспыхнет глазок
И запахнет табак по-иному.

И теперь от иного огня
Острым дымом до сердца дотянет.
И опять, как и вечно, меня
Недоступностью воли обманет.[21]

Стихи «на грани смерти» – молодой поэт ежедневно, ежеминутно ожидает расстрела. В рассказе «Отец» герой, «засыпая, сквозь счастливый приступ неодолимого сна слышал некоторое время за ставнями холостую работу мотора и слабые, еле уловимые выстрелы, через десять секунд каждый».[22]

«Его стихи, обычно живописные, в это время стали другими, высушились, упростились до наива: он заговаривал себя ими как человек, пробующий договориться с неволей и небытием»,[23] – писал С. Шаргунов.

Раз я во всем и все во мне,
Что для меня кресты решеток –
В моем единственном окне –
Раз я во всем и все во мне.
И нет предела глубине,
А голос сердца прост и кроток:
Что для меня кресты решеток,
Раз я во всем и все во мне.[24]

Эпиграф к этому стихотворению «Я во всем и все во мне. Толстой. «Война и мир». Сознательная ошибка или редкий случай, когда Катаева подвела память? Это строки из написанного в 1836 году стихотворения Ф. Тютчева «Тени сизые сместились…»:

Час тоски невыразимой!..
Всё во мне, и я во всем!..

И еще одно тюремное стихотворение «Всему, что есть, – нет имени и меры…», явно созвучное последним строкам тютчевских стихов.

У Тютчева:

Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай!

У Катаева:

Всему что есть – нет имени и меры.
Я вне себя не мыслю мир никак.
Чем от огня отличен полный мрак?
Чем разнится неверие от веры?

Кто говорит, что грани звездной сферы
Есть вечности и бога верный знак?
Пока мой глаз их отражает – так!
Но мертв зрачок – их нет, они химеры.

Мир – это я. Случайной мерой чувства,
Миражами науки и искусства
Я мерю все глубины бытия.

А нет меня?.. О, сердце, будь холодным,
Будь до конца спокойным и свободным.
Так говорю на грани смерти я.

Но рядом с мрачными строками вновь воспоминание о свободе, море, разгуле стихии.

2 сентября он пишет стихотворение «Шторм»:

Громовым раскатом смеха,
Гулом пушечного эха
Стонет море по обрывам
Однотонным переливом.
В мутной зелени вскипая,
Льется кипень снеговая
И рисует в буйной влаге
Айвазовские зигзаги.
Берег пуст. Купальни смыты.
Только там, где сваи вбиты,
Тянут волны вместе с тиной
Тело мертвого дельфина.[25]

Молодому поэту подвластна любая форма – он писал и триолеты, и сонеты.

В июне 1918 года журнал «Жизнь» публикует один из его сонетов:

Точи свой стих, как дедовский кинжал,
От времени зазубренный и ржавый,
И освяти своею новой славой
Его холодный, голубой закал.

На рукоятке – дымчатый опал,
Очерченный серебряной оправой
Неясный образ, вкованный в металл
Стиха, застывшего тяжелой лавой.

Но для любви забудь стальной сонет,
Любовь полна неверности свирельной,
В любви хорош трехгранный триолет
И нежный лепет песни колыбельной.

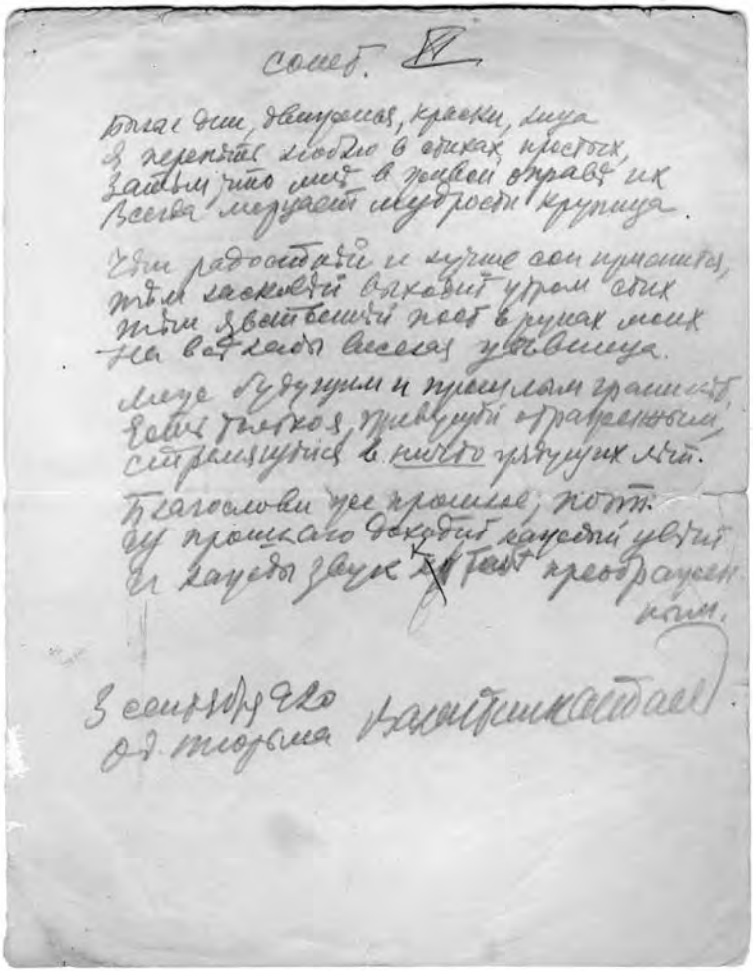
Люби светло. Будь бесконечно прост,
Как шелест трав, как дрожь весенних звезд.

И так совпало, что одним из последних написанных Катаевым в тюрьме стихотворений стал сонет, во многом пророческий.

Былые дни, движенья, краски, лица…
Я перепеть люблю в стихах простых
Затем, что мне в живой оправе их
Всегда мерцает мудрости крупица.

Чем радостней и лучше сон приснится,
Тем ласковей выходит утром стих
Тем явственней поет в руках моих
На все лады веселая цевница.

Меж будущим и прошлым грани нет,
Есть только я, живущий отраженным,
Стремящимся в ничто грядущих лет.



Рукопись стихотворения «Сонет». 3 сентября 1920

Благослови же прошлое, поэт.
Из прошлого доходит каждый цвет
И каждый звук к тебе преображенным.[26]

Эти строки Валентин Катаев написал 3 сентября 1920 года. Именно о прошлом, преображенном в строки, написанные размашистым почерком (Катаев печатных машинок не признавал), – повесть «Уже написан Вертер». Свои тюремные стихи Катаев не цитирует, ведь главный герой – художник Дима (его прототипом был Виктор Федоров, сын писателя Александра Митрофановича Федорова).

Беловую рукопись романа Валентин Петрович передал в Одесский литературный музей, и она должна была быть помещена в экспозицию. Но по указанию свыше рукопись была снята с витрины, посвященной Катаеву, за несколько дней перед открытием музея в 1984 г.

На выставке в Одесском литературном музее «Писатель и время», посвященной 90-летию писателя (1986), был показан черновой вариант «Гараж» (из архива семьи В.П. Катаева), объемом в несколько раз превышавший напечатанный текст, и несколько тюремных стихотворений.

Многое в повести понятно лишь читателю, знающему историю двух арестов, – Валентина Катаева и Виктора Федорова.

Сергей Зенонович Лущик много лет занимался расшифровкой реалий и прототипов повести, результатом стала книга «Реальный комментарий к повести В. Катаева «Уже написан Вертер»[27], которая вышла в 1999 году.

Но материалы из архивов ЧК тогда исследователям были недоступны.

Спустя тридцать лет, в декабре 2019, я работала в Отраслевом архиве СБУ с протоколами заседаний комиссии Одесской губернской чрезвычайной следственной комиссии за 1920 год. Протокол заседания от 28 октября 1920 года занимает шестнадцать страниц.

Герой «Вертера» при встрече со «знаменитой Венгржановской» в мыслях объединяет два заговора, она – в англо-польском, а он – участник врангелевского, на маяке. Но в реальной истории их фамилии в одном списке: заголовок протокола – «Дело подпольных белогвардейских организаций».[28]

У Катаева художник Дима думает: «Наберется человек двадцать, и хватит для одного списка».[29] В действительности список был намного длиннее. По делу проходили 193 человека. «Все 193

гражданина по обвинению в участии в подпольной белогвардейской организации, работавшей от польского министерства индел и генштаба Польской армии, называвшейся «Агентурно-информационный пункт К.Н.З.С.І.».[30] 102 обвиненных были расстреляны, 9 отправлены в концлагерь, 79 освобождены. Дела трех несовершеннолетних кадетов были выделены для продолжения следствия.

В повести описана краткая встреча двух арестованных:

«Один вел свою с допроса вниз, другой своего на допрос вверх.

Ее щеки горели. Точеный носик посветлел, как слоновая кость. Знаменитая Венгржановская. Самая красивая гимназистка в городе. Именно с ней когда-то он танцевал хиавату. Он ее узнал. Она его не узнала. Полька. Аристократка, тогда от нее пахло резедой. Ее имя повторялось в городе.

Теперь оно тоже повторялось, но уже в другом роде. Она была участницей польско-английского заговора».[31]

В приговоре и в тексте «Вертера» – В***е***нгржановская, хоть правильно – В***и***нгржановская. Катаев не называет имени, скорее всего, он имел в виду среднюю сестру – Анну. А в списке приговоренных три сестры и мать:

№ 16

Венгржановская Анна Брониславовна, 23 л.

Венгржановскую – резидента польского пункта, занимавшуюся шпионажем 2 года, снабжавшую всех деньгами, получаемыми из Варшавы, – расстрелять, имущество конфисковать.

Приказ т. Юрьеву исполнен в ночь на 30-ое окт. 1920 г.

№ 46

Венгржановская Мария Викторовна, 59 л.

Венгржановскую как хозяйку явочной квартиры – расстрелять, имущество конфисковать.

Приказ т. Юрьеву № 50 исполнен в ночь на 30-ое окт. 1920 г.

№ 47, 48

Венгржановские Елена и Мария Брониславовны 1) 18 2) 26 лет.

Обоих как бывших в курсе дел и помогавших работе организации – расстрелять, имущество конфисковать.

Приказ т. Юрьеву № 50 исп. в ночь на 30-ое окт. 1920 г. Мандат на конфиск. № 12124 и 12122 т. Волошином кв. от хр. № 101.

Валентин Петрович всегда был точен в деталях. Так и здесь: Дима слышит фамилии «знакомые и незнакомые»:

«– Из камеры с вещами. Карабазов. Вайнштейн. Нечипоренко. Вигланд. Венгржановский.

<…> Полковник Вигланд в английской шинели, имевшей на нем вид халата, сидевший в углу и безостановочно строчивший по-английски свой дневник, преждевременно седой, дурно подстриженный, быстро дострочил начатую фразу и спрятал заветную тетрадку глубоко под шинель. <…> Потряхивая серым хохолком на маленькой головке, с выпуклыми склеротическими английскими глазами, солдатским шагом он прошел мимо ручного электрического фонарика и скрылся в темноте коридора.

Штабс-капитан Венгржановский в студенческой тужурке и длинных шевровых сапогах, гордо закинув голову, – как две капли воды похожий на свою младшую сестру, – вышел из камеры с дрожащей улыбкой, отбросив в сторону недокуренную папироску.

Фон Дидерихс суетливо раздавал на память остающимся в камере мелкую элегантную чепуху: замшевый кошелек, шелковый платочек для наружного кармана, портсигарчик, маленькую фотографию девушки с испанским гребнем в прическе, обручальное кольцо, долго не снимавшееся с пальца, и по его курносому курляндскому носику ползла аквамариновая слезинка, блеснувшая в луче электрического фонарика».[32]

Фон Дидерихс – настоящая фамилия приятеля детства Катаева, Владимира фон Дитерихса[33] (писавшего стихи под псевдонимом фон Дитрихштейн). Он в заговоре участвовать никак не мог, ибо к тому времени уже был в эмиграции.

В списке участников заговора Викланд (Вигланд у Катаева). И Венгржановский, но не старший брат, а дядя.

№ 49

Викланд Рудольф Андреевич

гр. Викланда как служившего до революции в особой пограничной страже и ныне присосавшегося к Соввласти путем вступления в Советское учреждение расстрелять, имущество конфисковать.

Приказ т. Юрьеву № 50 исполнен в ночь на 30-ое окт. 1920 г. Мандат на конфиск. № 12143 исп. т. Лебедем кв. от хр. № 3987 № 51 и 52.

№ 50

Венгржановский Климентий Аркадьевич, 61

гр. Венгржановский – родственник шпионки, бывший в курсе всех дел организации – расстрелять, имущество конфисковать

Приказ т. Юрьеву № 50 исполнен в ночь на 30-ое окт. 1920 г. Мандат на конфиск. № 12143 исп. т. Лебедем кв. от хр. № 3987 № 51 и 52.

«Расстрелять, имущество конфисковать» – вначале приговор записан у фамилии каждого осужденного, затем – то ли писарь, то ли судьи устали, и просто поперек страницы со списком арестованных запись: «Как бывших офицеров, членов подпольной организации расстрелять, имущество конфисковать», или того короче: «РАССТРЕЛЯТЬ».

А в конце списка те, кому повезло «всего лишь» попасть в лагерь, и те счастливцы, которых постановили «как непричастных к делу организации ОСВОБОДИТЬ». В самом конце списка – братья Катаевы.

№ 165

Катаев Валентин Петрович 23 л.

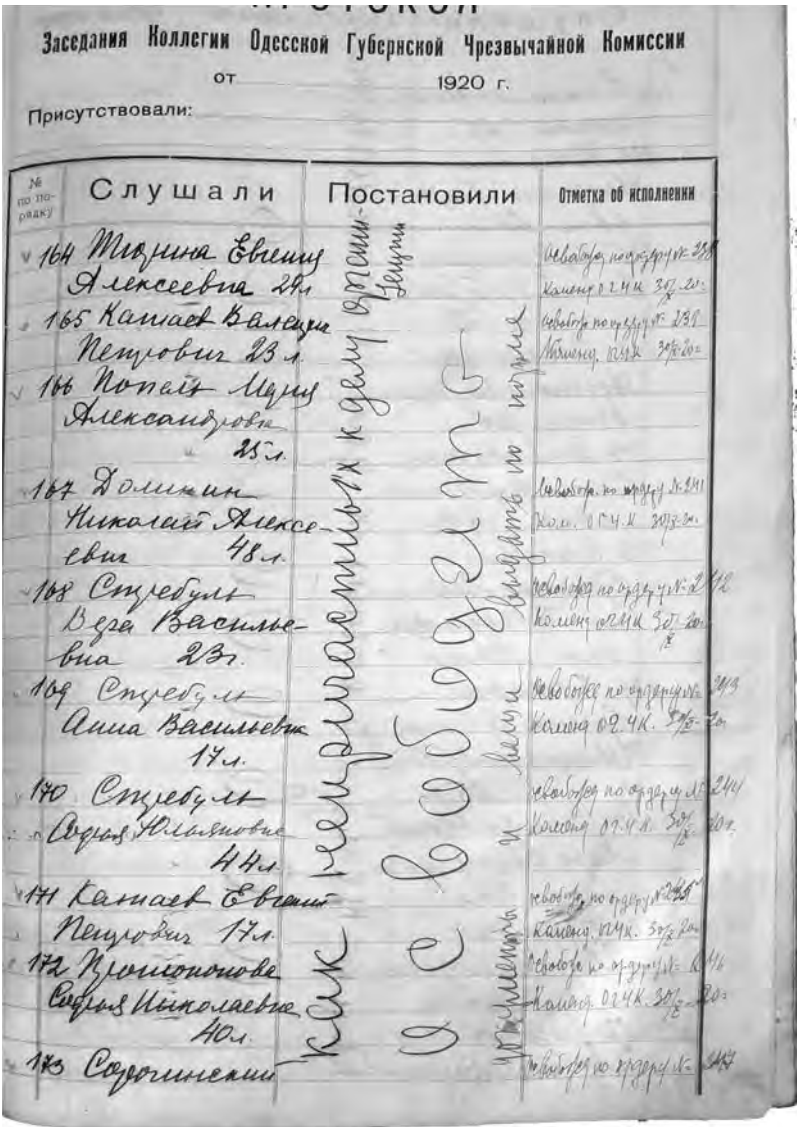
как непричастных к делу организации освободить. Документы и вещи выдать по норме.

Освобожд. по ордеру № 239. Коменд. ОГЧК 30.X.20 г.

№ 171

Катаев Евгений Петрович 17 л.

освободить как непричастных. Освобожд. по ордеру № 245. Коменд. ОГЧК 30.X.20 г.



ПРОТОКОЛ

Заседания Коллегии Одесской Губернской Чрезвычайной Комиссии

от _____ 1920 г.

Присутствовали: _____

№ по порядку	Слушали	Постановили	Отметка об исполнении
164	Тюрина Евгения Алексеевна 29 л.	Как неразоблаченных к делу прекратить. Дело сдать в архив. Арестованных по приговору	Освобожд. по ордеру № 238 Камер. 0.2 ч. 30/X-20 г.
165	Капаев Валериан Петрович 23 л.		Освобожд. по ордеру № 238 Камер. 0.2 ч. 30/X-20 г.
166	Попей Мария Александровна 25 л.		
167	Доминин Николай Алексеевич 48 л.		Освобожд. по ордеру № 241 Камер. 0.2 ч. 30/X-20 г.
168	Стребулаев Вера Васильевна 23 л.		Освобожд. по ордеру № 242 Камер. 0.2 ч. 30/X-20 г.
169	Стребулаев Анна Васильевна 17 л.		Освобожд. по ордеру № 243 Камер. 0.2 ч. 30/X-20 г.
170	Стребулаев Софья Ивановна 44 л.		Освобожд. по ордеру № 244 Камер. 0.2 ч. 30/X-20 г.
171	Капаев Евгений Петрович 17 л.		Освобожд. по ордеру № 245 Камер. 0.2 ч. 30/X-20 г.
172	Пономарева Софья Николаевна 40 л.		Освобожд. по ордеру № 246 Камер. 0.2 ч. 30/X-20 г.
173	Содочненко		Освобожд. по ордеру № 247

Протокол заседания Одесской губернской чрезвычайной следственной комиссии за 1920 год от 28 октября. ГДА СБУ

Трудно, невозможно представить себе, что чувствовали братья, вышедшие после шести месяцев тюрьмы на свободу. В «Вертере» Катаев об этом не пишет – Диму выводят через черный ход. Нет деталей и в рассказе «Отец». Но есть преображение главного героя.

«…переодетый во все чистое и заплатанное отцом, Петр Иванович в последний раз увидел в смуглом зеркале коммунальной парикмахерской свое обросшее шерстью, шесть месяцев не бритое лицо декабриста. Черные клочья курчавых волос валились из-под визжащей машинки в грязную простыню, и от них стежками секундной стрелки расползались насекомые. Проворно вывихнутая бритва снимала со щек кошачий мех бакенбардов и рвала рыжую бороду, оголяя из-под белой пены худой подбородок. Молодое, чистое, черноглазое лицо с голыми ушами чуждо и радостно посмотрело на Петра Ивановича из зеркала».[34]

Впереди у Петра Синайского – Валентина Катаева была долгая жизнь. Жизнь, которую он так замечательно и откровенно описал в «Волшебном роге Оберона», «Юношеском романе», «Траве забвения», «Алмазном венце». И в небольшой повести «Уже написан Вертер»:

«Убегают рельсы назад, и поезд увозит его в обратном направлении, не туда, куда бы ему хотелось, а туда, где его ждет неизвестность, неустроенность, одиночество, уничтожение, – все дальше, и дальше, и дальше…».[35]

Валентин и Эстер Катаевы. Переделкино, 1970-е гг.

Фотографии и рукописи
из семейного архива Катаевых

Благодарю Тину Катаеву,
предоставившую их для публикации

Примечания

[1] В описи фонда «РАТАУ» в ГАОО С.З. Лущик обнаружил анкету № 261 В.П. Катаева, датированную 15.XI.20 (анкета утрачена). По версии С.З. Лущика, дело было закончено в начале сентября, а оформили задним числом 28 октября.

[2] Паустовский К.Г. Время больших ожиданий. – Одесса, 1961, с. 149.

[3] Катаев В. Избранные стихотворения… С. 161-162. В книге под названием «Все неделю румянцем багряным…».

[4] Катаев П.В. Доктор велел мадеру пить…: Книга об отце. – Москва, 2006, с. 153-154.

[5] Валентин Петрович Катаев // Писатели: Автобиографии и портреты современных русских прозаиков. – Москва, 1926, с. 142

[6] В пьесе «Поэт» (1957) описан арест и допрос в контрразведке поэта Николая Тарасова (в описании героя угадываются черты, характерные для Э. Багрицкого).

[7] Катаев В.П. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 1, с. 189.

[8] Там же, с. 195-196.

[9] Катаев В.П. Сухой лиман // Новый мир. – Москва, 1986, № 1, с. 38.

[10] Катаев В.П. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 1. – Москва, 1983, с. 250-251. Впервые – в журнале «Корабль» – Калуга, 1922, № 5-6, ноябрь.

[11] Разговор с П.В. Катаевым, 12 октября 2015.

[12] Шаргунов С.А. Катаев: Погоня за вечной весной. – Москва, 2016, с. 650.

[13] Цит. по: Шаргунов С.А. Катаев: Погоня за вечной весной... с. 653.

[14] Катаев В. Избранные стихотворения. – Москва, 2010, с. 152.

[15] Катаев В. Избранные стихотворения… с. 163, под названием «Воспоминание». Рукопись воспроизведена – Катаев В.П. Собр. соч. в 8 т. Т. 8, с. 135.

[16] Катаев В. Избранные стихотворения… с. 154.

[17] Катаев В.П. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 1, с. 189

[18] Там же, с. 191.

[19] Катаев В. Избранные стихотворения… с. 159

[20] Цитируется по рукописи, разночтения с печатным вариантом. Но в окно потянул ветерок / За решетку табачный дымок. – См.: Катаев В. Избранные стихотворения… с. 156.

[21] Катаев В. Избранные стихотворения… с. 153.

[22] Катаев В. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 1, с. 203.

[23] Шаргунов С.А. Катаев: Погоня за вечной весной… с. 105.

[24] Катаев В. Избранные стихотворения… с. 155.

[25] Катаев В. Избранные стихотворения… с. 164. Рукопись воспроизведена – Катаев В.П. Собр. соч. в 8 т. Т. 8, с. 139.

[26] Публикуется впервые, рукопись из семейного архива В.П. Катаева.

[27] Катаев В.П. Уже написан Вертер. Лущик С.З. Реальный комментарий к повести. – Одесса, 1999.

[28] Протоколы заседаний комиссии Одесской губ. чрезв. следств. комиссии с 13/VI по 3/ XI 1920. Протокол от 28 октября. – ГАОО, ф. 6, оп. 3, д. 283.

[29] Катаев В.П. Уже написан Вертер. Лущик С.З. Реальный комментарий к повести… с. 28.

[30] Протоколы заседаний комиссии Одесской губ. чрезв. следств. комиссии с 13/VI по 3/ XI 1920. Протокол от 28 октября.

[31] Катаев В.П. Уже написан Вертер. Лущик С.З. Реальный комментарий к повести… с. 27-28.

[32] Там же, с. 32-33.

[33] Дитрихштейн, фон Дитрихштейн Владимир Давыдович (наст. фамилия Дитерихс; 1889 или 1890 – 1967), поэт, журналист. Эмигрировал в 1920 г. С 1921 г. жил во Франции, печатался в газетах «Русская мысль», «Руль», «Возрождение», «Россия и славянство» и др. Во время Второй мировой войны участвовал в Сопротивлении. Автор книг «Стихотворения» (1912), «Зовы земли» ([1913]), «Блеклый венец. 2-я книга стихов» (1914) – все в Одессе, а также: «Тихая свирель: Собрание стихов, 1912-1916» (Пг., 1917), «На зыбких гранях: Собрание стихов, 1912-1916» (Берлин, 1922), «Собрание стихов, 1912-1964» (Брюссель, 1965). Как друг детства упоминается в повести В.П. Катаева «Трава забвения» (1967).

[34] Катаев В. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 1, с. 209-210.

[35] Катаев В.П. Уже написан Вертер. Лущик С.З. Реальный комментарий к повести… с. 11.